Репин, В.В. Бессарабская проблема как элемент дипломатического диалога СССР и Румынии в рамках попыток создания системы коллективной безопастности в Европе (1928-1938 гг.) / В.В. Репин // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 52-61.

В. В. Репин

БЕССАРАБСКАЯ ПРОБЛЕМА КАК ЭЛЕМЕНТ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА СССР И РУМЫНИИ В РАМКАХ ПОПЫТОК СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ (1928—1938 гг.)

В статье рассматривается эволюция бессарабской проблемы в советско-румынском внешнеполитическом диалоге в последнее десятилетие перед Второй мировой войной. Автор исходит из установки, что возобновление советско-румынских переговоров в конце 1920-х — начале 1930-х гг. определялось стремлением двух стран усилить свои международные позиции в условиях кризиса Версальской системы. Придать новое содержание советско-румынским переговорам смог румынский министр иностранных дел Н. Титулеску, который, исключая признание советских претензий на Бессарабию, пытался получить советские гарантии территориальной целостности Румынии с помощью лояльной по отношению к СССР политики. Результатом этого стало «джентльменское соглашение» Литвинова — Титулеску в 1933 г. о неупоминании претензий на Бессарабию в двусторонних отношениях. Однако неудавшиеся попытки Титулеску получить признание СССР румынских границ в 1935—1936 гг. вернули советско-румынские отношения к неурегулированному состоянию.

The article is devoted to the evolution of the Bessarabian problem in the Soviet-Romanian dialogue in the last decade before the Second World War. The author proceeds from the point that the recommencement of Soviet-Romanian negotiations in the late 1920s — early 1930s was determined by the desire of the two countries to strengthen their international position during the crisis of the Versailles system. Romanian Foreign Minister Titulescu managed to give a new impact to Soviet-Romanian negotiations, in which, excepting the recognition of Soviet claims to Bessarabia, he tried to obtain the Soviet guarantees of territorial integrity of Romania with loyalty to the Soviet policy. This tactic resulted in a «gentleman's agreement» Litvinov — Titulescu (1933) to avoid the omission of claims to Bessarabia in bilateral relations. But unsuccessful attempts by Titulescu to gain any soviet recognition of the Romanian border in 1935—1936. returned to the Soviet-Romanian relations to unresolved state.

Ключевые слова: бессарабская проблема, советско-румынские отношения, «джентльменское соглашение» Литвинова — Титулеску.

Keywords: Bessarabian problem, Soviet-Romanian relations, «Gentleman's Agreement» Litvinov — Titulescue.

Спор о территориальной принадлежности Бессарабии, ставший проблемой советской внешней политики после оккупации и присоединения бывшей российской губернии Румынией в 1918 г., к концу 1920-х гг. оставался запретной для диалога темой в советской дипломатии. После Венской конференции 1924 г., когда советская сторона после колебаний начала 1920-х гг. однозначно заявила о непризнании суверенитета Бухареста над краем, возможность советско-румынского диалога свелась к нулю. Однако уже в конце 1920-х гг. для европейских дипломатов была очевидной невозможность исключить СССР из процесса создания новых европейских союзов, призванных сохранить или реформировать Версальскую систему. Проблема неурегулированного советско-румынского спора приобретала новое значение не только во внешнеполитических стратегиях Москвы и Бухареста, но и практически всех значимых дипломатических игроков на Балканах и в Центральной Европе. Поэтому вплоть до начала Второй мировой войны бессарабская проблема являлась важным фактором, влиявшим на участие СССР в проектах европейской коллективной безопасности.

Репин Виталий Валерьевич — преподаватель кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук. E-mail: vitalij.repin@gmail.com

Сущностное рассмотрение данного сюжета в историографии началось лишь в послевоенный период, притом что из идеологических соображений румынские историки в период социализма практически исключили упоминание бессарабского сюжета из своего рассмотрения. В советской же историографии сюжет получил довольно подробное изучение в монографиях Я. М. Копанского, И. Э. Левита, А. А. Шевякова, которые исходили из установки, что румынская дипломатия использовала бессарабскую проблему для создания проблем советским инициативам по сохранению мира в Европе и сдерживанию будущих агрессоров [16; 17; 33]. На современном этапе российская историография исходит из более нейтральных оценок, показывая место бессарабской проблемы в общих геополитических планах сталинского руководства в предвоенные годы. Особенно большой вклад в реконструкцию этого сюжета советской внешней политики внесли О. Н. Кен, Г. М. Адибеков и М. Д. Ерещенко [9; 13; 14]. Тема получила свое развитие на более широкой источниковой базе также в новейшей румынской и англоязычной историографии. При этом ряд актуальных аспектов, и в первую очередь условия реализации джентльменского соглашения М. М. Литвинова — Н. Титулеску о неупоминании бессарабской проблемы на международной арене, не получили в зарубежной и отечественной историографии достаточно полного освещения [34— 37].

Проблема государственно-территориального статуса Бессарабии в контексте обсуждения пакта о ненападении между СССР и Румынией (1928—1933 гг.). Бессарабский вопрос, не нашедший решения посредством дипломатического диалога или недипломатических средств (военного конфликта, восстания), обязывал обе стороны спора определить стратегическую линию поведения на долгий период существования Версальского устройства, не допускавшего пересмотра status quo на Днестре. Основное внимание уделялось обоснованию своих позиций и последовательной и принципиальной их защите. Обе страны стремились выработать свой курс, который дал бы благоприятное решение вопроса, пусть даже в отдаленном будущем.

Позиция Румынии основывалась на отказе каким бы то ни было путем подвергать сомнению законность присоединения Бессарабии, при том что в Бухаресте всегда понимали ненадежность обладания краем [20, с. 462—463; 30, с. 262, 293, 320, 330, 367]. Логику румынской дипломатии в отношениях с СССР показывают слова министра иностранных дел Румынии И. Дуки: «мы посылали делегацию в Вену для того, чтобы произвести новое доказательство, что если в данный момент нельзя установить отношения с Россией, то вина не наша» [16, с. 14]. Поскольку антагонизм с восточным соседом нельзя было преодолеть, Румыния стремилась как можно прочнее закрепить Бессарабию за собой договорами с третьими странами. Франко-румынский союз подтверждал содействие Франции в обеспечении территориальной целостности Румынии. Румыния искала себе союзников против ревизии своих границ среди стран, имевших территориальные противоречия с СССР (Польша), и боявшихся пересмотра версальских границ (страны Малой Антанты). Последняя, кстати, не особо стремилась связывать себя обязательствами по частному советско-румынскому спору. На Белградской конференции Малой Антанты 10—12 января 1924 г. Бухарест не смог добиться гарантий своей восточной границы ни у Белграда, ни у и Праги. Это заставило его осознать, что две страны-партнера могут принести больше вреда, чем пользы, в бессарабском вопросе. Зато Польшу и Румынию сближала угроза со стороны СССР. И. Дука отмечал: «когда он хочет обсуждать русский вопрос, он обращается к Польше» [16, с. 11—12; 32, с. 273].

В начале 1926 г., как установил литовский историк А. Каспаравичус, Москва пыталась разрушить польско-румынский союз, предложив Варшаве признать оккупацию Польшей Виленской провинции в 1920 г. в обмен на непродление союзного договора с Бухарестом и занятие нейтральной позиции в случае силовой операции РККА в Бессарабии. В Москве рассчитывали если не на быстрый результат, то хотя бы на зондаж, который принесет выгоду, когда «в польском правительстве появится толковый политик». Однако поляки отказались от обсуждения варианта «размена» [1, с. 74; 12, с. 132—133].

Незримым фоном любых советско-румынских контактов в 1928—1938 гг. оставалась проблема Бессарабии. Включение СССР в процесс создания системы коллективной безопасности в Европе вновь свел две страны за столом переговоров. Но прежде чем в Москве санкционировался тот или иной диалог с Румынией, подчеркивалось, что ни пакт о ненападении, ни конвенция о разоружении, ни соглашение о военной помощи не должны включать признание Днестра советско-румынской границей, а Бессарабии — румынской территорией [21, с. 153—154; 22, л. 126; 23, л. 141—142].

Возобновление дипломатического диалога СССР и Румынии в 1928 г. привело к подписанию в Москве 9 февраля 1929 г. Протокола о досрочном введении в действие Парижского договора от 27 августа 1928 г. об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, который гарантировал Румынии невозможность вооруженного вмешательства советского государства в бессарабский вопрос, что неоднократно подтверждалось советскими дипломатами [16, с. 11—12]. Приехавший для подписания протокола посланник Румынии в Польше К. Давила обсудил с М. М. Литвиновым возможность диалога о Бессарабии. Литвинов основой решения проблемы назвал неприемлемый для румын плебисцит, однако выразил заинтересованность в установлении «прямого канала коммуникаций» [14, с. 145]. Давила только предположил, что новое румынское правительство могло бы начать обсуждать плебисцит. Однако МИД сделал ему выговор за само это допущение [35, p. 226—227]. Литвинов в свою очередь запросил инструкций у политбюро ЦК о более умеренных условиях, что позволил бы подписать пакт о ненападении. Однако его запрос не включался в повестку дня больше месяца и к моменту рассмотрения 28 марта 1929 г. утратил свой потенциал. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило сохранить неизменность требования плебисцита в крае [37, p. 283].

Подписание Московского протокола давало Румынии некую уверенность в невозможности советской военной интервенции, но отнюдь не давало гарантий. Временный поверенный в делах Румынии в Латвии М. Стурдза писал в январе 1932 г. премьеру Н. Йорге: «Бессарабия — политическая брешь, заботливо сохраняемая в границах буржуазного мира, зародыш военного прорыва в их планах разрушения этого мира» [30, с. 293, 367]. По советским каналам в 1929 г. в Бухарест шли сигналы о том, что «СССР не считает вопрос о советско-румынской границе абсолютно безнадежным», но стоило только румынским газетам отождествить Московский протокол с признанием границ Румынии, как из НКИДа была направлена нота протеста [14, с. 144—145; 21, с. 222—224].

Российский историк О. Н. Кен полагает, что даже в конце 1920-х гг. М. М. Литвинов являлся сторонником идеи пожертвовать Бессарабией ради улучшения отношений с Румынией [12, с. 146]. И. В. Сталин, не желая явно демонстрировать несогласие с такой позицией, обратился к давнему оппоненту Литвинова — находящемуся на лечении в Швейцарии тяжело больному Г. В. Чичерину — с просьбой дать оценку Московскому протоколу. Ответ Чичерина в поддержку сложившейся после Венской конференции линии в бессарабском споре, несмотря на то что являлся личным письмом Сталину, был оглашен на заседании политбюро, что ограничило пределы дипломатического маневра Литвинова [14, с. 146].

К рубежу 1930-х гг. малые страны Восточной Европы рассматривали сохранение мира как одну из актуальных задач своей международной политики. Именно в этом контексте происходило обсуждение бессарабской проблемы советскими дипломатами с коллегами из Турции, Чехословакии, Италии, Польши. Свое посредничество предлагали посол Турции в Москве Х. Рагиб-бей, глава МИДа Чехословакии Э. Бенеш. В конце 1930 г. польский посланник в Анкаре К. Ольшовский предлагал полпреду СССР Я. З. Сурицу приступить к нормализации советско-румынских отношений на основе признания бессарабского вопроса открытым. Посол Италии в СССР Б. Аттолико в разговоре с членом коллегии НКИДа Б. С. Стомоняковым предложил парадоксальное решение: «Единственное, в чем и вы, и Румыния согласны в этом вопросе, — это то, что вы оба не можете договориться по этому

вопросу. Это именно и надо зафиксировать в будущем соглашении между вами и Румынией». Стомоняков посчитал такой проект странным, однако именно эта модель легла в практику советской дипломатии в бессарабской проблеме в 1932—1933 гг. [14, с. 196—197]. В начале 1931 г. политбюро ЦК одобрило предложение комиссии во главе с В. М. Молотовым воздержаться от возобновления переговоров с Румынией. Очевидно, что более весомым фактором стало подписание 15 января 1931 г. гарантийного договора о взаимопомощи между Бухарестом и Варшавой [14, с. 198; 24, л. 166].

В октябре 1931 г. под влиянием японской интервенции в Маньчжурии М. М. Литвинов все же решил вернуться на путь переговоров с Румынией. Под давлением своих союзников, Франции и Польши, она дала согласие. Переговоры начались в Риге в январе 1932 г., однако стороны изначально не верили в их успех. О. Н. Кен выделяет четыре раунда в советско-румынском диалоге о пакте о взаимопомощи в 1932 г. Первая стадия — прямые переговоры Б. С. Стомонякова и М. Стурдзы в Риге 7—20 января. По вопросу о самом пакте серьезных разногласий не было, но обращение к бессарабскому спору, даже косвенное, сразу завело переговоры в тупик. Советский делегат добивался упоминания о территориальном споре, Стурдза же надеялся исключить эту формулу или зафиксировать «неприкосновенность территории, ограниченной Днестром и остальными... границами обеих стран» [2, с. 725].

Вторая стадия переговоров отличалась активным польским посредничеством (Варшава параллельно вела переговоры о пакте о взаимопомощи с Москвой) и проходила в рамках Женевской конференции по разоружению в июне — июле 1932 г. 25 июня политбюро ЦК ВКП(б) направило М. М. Литвинову, который вел также переговоры о пакте с Польшей, следующую инструкцию: «заявите Залесскому [министр иностранных дел Польши в 1926—1932 гг. — *В. Р.*], что поскольку в предложенном проекте советско-румынского пакта нет оговорки о том, что спорные между СССР и Румынией вопросы пактом не задеваются и что стороны сохраняют по ним свои позиции, его формулировка для нас неприемлема» [14, с. 327—330; 17, с. 95; 25, л. 3, 9]. Москва стремились зафиксировать наличие советско-румынского спора в какой-либо форме в обсуждаемом пакте.

Третий, «парижский», раунд переговоров прошел в августе — сентябре 1932 г. Активную посредническую позицию занял генеральный секретарь французского МИДа А. Леже. Тем не менее дипломатическая казуистика, которой занялись М. М. Литвинов, французские и польские посредники, не продвинула переговоры дальше рижского тупика [14, с. 342].

Кульминационной фазы переговоры достигли на четвертой стадии в конце сентября 1932 г., когда по пути в Женеву прямо в поезде М. М. Литвинов и румынский посол в Польше В. Кадере обсудили пределы компромисса. 2 октября текст договора был в целом согласован, а 4 октября 1932 г. политбюро ЦК сочло формулировку Кадере приемлемой [25, л. 76, 119]. Тем временем пользующийся особым доверием нового короля Кароля II румынский посол в Лондоне Н. Титулеску, который ранее неоднократно публично выступал против подписания договора, не содержащего признания советской стороной Бессарабии в качестве части Румынии, подал в отставку в знак протеста против капитулянтской политики своего правительства. Он считал, что фиксация наличия советско-румынского спора осложнит и без того неполноценное международное признание прав Румынии на край [14, с. 350]. После этого Кадере засомневался и стал настаивать на исключении из заключительного протокола слов «существующих споров». Разногласие об одном слове так и не было преодолено. Титулеску 11 октября попытался добиться помощи Франции в вопросе признания Советским Союзом румынской границы по Днестру. СССР сообщил Франции и Польше, что готов подписать договор, если Румыния согласится с текстом, согласованным в Женеве[2, с. 570—571, 576—577; 38, p. 100—103].

В итоге год переговоров лишь сохранил статус-кво. Вернувшись в Москву, М. М. Литвинов подготовил записку «Выводы и предложения НКИДа», в которой указал, что «вопрос о

Бессарабии не будет решаться на основе пакта о ненападении или того или иного его истолкования» и предложил взять за основу «политический эффект от пактов с Румынией, Польшей и в особенности с Францией». Однако, не достигнув договоренности с Румынией, СССР получил более значимый пакт о ненападении с Польшей от 25 июля 1932 г., который ослабил роль польско-румынского союза, а также договор о ненападении с Францией от 11 ноября 1932 г., пакты о ненападении с Латвией, Эстонией и Финляндией [1, с. 75; 14, с. 354].

«Джентльменское соглашение» Литвинова — Титулеску о неупоминании бессарабской проблемы в 1933 г. СССР поддержал предложение Франции по взаимному обеспечению европейской безопасности от 13 марта 1933 г. и выступил с инициативой подписания варианта конвенции по определению агрессора. Польская и французская дипломатия заявили о готовности поддержать эту инициативу в случае урегулирования советско-румынских отношений [1, с. 75]. Контакты заинтересованных сторон привели к заключению «джентльменского соглашения» между главами внешнеполитических ведомств СССР и Румынии М. М. Литвиновым и Н. Титулеску. Советская сторона обязывалась не упоминать более о бессарабской проблеме ни на официальном уровне, ни в каких-либо других публичных заявлениях. Обстоятельства соглашения были обусловлены не столько изменившимися подходами Москвы и Бухареста к бессарабской проблеме, сколько сложностями развернувшейся дипломатической игры. На трехсторонних переговорах Литвинова, Титулеску и польского представителя в Лиге Наций Э. Рачиньского, двух первых сблизило противостояние польской линии. Стремясь обойти трудности, связанные с Бессарабией, стороны решили в той части протокола, где речь идет о неприкосновенности территории, использовать предложенную французами формулу греческого дипломата Н. Политиса «под властью» [8, с. 61—62, 175; 30, с. 413].

Советский нарком, подписывая 3 июля 1933 г. Конвенцию об определении агрессии с Польшей, Румынией, Литвой, Эстонией, Латвией, Турцией, Чехословакией и Югославией, приватно сказал Титулеску: «Я знаю, что, подписывая это соглашение, я подарил вам Бессарабию. Если я не могу признать это официально, то только из-за трудностей, которые будут у меня с нашим общественным мнением, особенно на Украине. Потому что я беру обязательство, что против Бессарабии никогда не совершится агрессия и что вопрос о ревизии не будет ставиться не только потому, что СССР не является членом Лиги Наций, но и потому, что мы в принципе против ревизии границ, поскольку это означало бы войну». Титулеску ответил Литвинову, что Бессарабия подарена румынам Богом, а не им. После чего оба согласились, что «самое лучшее не говорить совсем о Бессарабии» [36, p. 29; 38, p. 104—108]. Тем самым бессарабский вопрос не разрешался, не погашался, а только исключался из обсуждения. В то же время Конвенция об определении агрессора с формулой: «никакое проявление прямой или косвенной агрессии не может быть оправдано внутренним или внешним положением государства» избавляла Титулеску от необходимости заключения пакта о ненападении, укрепляла позиции Румынии по отношению к Венгрии и Болгарии. 4 июля 1933 г. СССР, Чехословакия, Румыния, Югославия и Турция подписали в Лондоне еще один аналогичный документ — Конвенцию об определении нападающей стороны [17, с. 135].

В 1933 г. Н. Титулеску провел ряд встреч с дипломатами нацистской Германии, впервые актуализировав вопрос о поддержке Берлином Бухареста в румыно-венгерском споре о Трансильвании. Однако не добился результата, поскольку рейхсканцлер А. Гитлер не доверял известному своей профранцузской позицией дипломату [17, с. 133]. В итоге из трех возможных альтернатив румынской внешней политики: нейтралитет, сближение с Германией и Италией, сохранение ориентации на Францию — Титулеску выбрал последнюю. В 1934 г. он попробовал использовать наметившееся сближение с СССР для получения новых гарантий территориальной целостности Румынии, параллельно подыгрывая Москве в ее отношениях с Чехословакией и Югославией. На встречах с советскими дипломатами он моделировал эффект от получения гарантий границ в Бессарабии и давал широкие авансы о будущем

советско-румынских отношений. Советскому представителю в Афинах Я. Х. Давтяну румынский министр заявил, что «лучше быть “проглоченными” СССР, чем отдать венграм и болгарам оспариваемые ими земли». Советнику полпредства в Париже М. И. Розенбергу он обещал, что если Литвинов направит ему телеграмму о военной гарантии границ, то с фашизмом в Румынии будет покончено [3, с. 147].

Вероятно, в Москве вновь имела место дискуссия о приоритетах в отношениях с Румынией. Однако в ходе переговоров об установлении дипломатических отношений не было требований об упоминании бессарабской проблемы. Желание, чтобы Румыния ликвидировала напряженность в бессарабском вопросе, выразили страны Малой Антанты на Загребской конференции в январе — феврале 1934 г. После нее активизировались консультации между Москвой, Прагой, Белградом и Бухарестом об установлении дипломатических отношений. Новый импульс переговорам дало 8 июня согласие Праги установить отношения с СССР. Это заставило Москву и Бухарест снять терминологические препятствия на пути своего соглашения. В тот же день М. М. Литвинов и Н. Титулеску обменялись нотами, признававшими отказ «от каких-либо взаимных претензий» [1, с. 76; 30, с. 441; 38, p. 109—111]. На вопрос Титулеску, что если советский полпред в Бухаресте поднимет бессарабскую проблему, Литвинов в шутливой форме предложил выставить его прочь [37, p. 131].

На этой платформе 9 июня 1934 г. произошло установление дипломатических отношений. Стороны договорились, что не будут делать каких-либо оговорок или обещаний относительно Бессарабии, в документах стали использоваться нейтральные формулировки «их территории», «правый и левый берег Днестра» [14, с. 442; 30, с. 445]. В румынской прессе впервые прекратились нападки на СССР [6, с. 15, 720—721; 30, с. 413]. При этом в июле по инициативе М. М. Литвинова политбюро ЦК постановило принять меры по исправлению ошибок при издании географических карт в СССР, на которых неправильно закрашивалась территория Бессарабии. Нарком заявил, что следует «Бессарабию окрашивать краской СССР с особой штриховкой, указывающей на ее оккупацию» [29, с. 239]. В то же время недостаточно внимательное отношение Москвы к возможности пересмотра бессарабского вопроса отразил факт, что летом 1938 г. II Западный отдел НКИДа обнаружил, что в течение года принимал румынские ноты, в которых правый берег Днестра назывался «румынской территорией». Попытка и. о. заведующего отделом Г. И. Вайнштейна вернуть ноты румынским дипломатам в Москве не увенчались успехом [31, с. 73, 188—189].

Министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску стремился развить наметившийся прогресс в отношениях с СССР, проявлял особое внимание к первому советскому полпреду в Румынии М. С. Островскому. Еще в августе 1934 г., до своего назначения в Бухарест, советский торгпред во Франции Островский в беседе с румынским министром подтвердил свою осведомленность о «джентльменском соглашении». При этом Титулеску предупредил его: «Если когда-нибудь в Бухаресте осмелитесь поднять вопрос о Бессарабии передо мной или кем-то другим, я буду требовать, чтобы Вас отозвали в 24 часа. По этому пункту есть договоренность с г-ном Литвиновым» [31, с. 200]. В первый год своей работы Островский много сделал для улучшения отношений с Бухарестом, а Титулеску активно продвигал все инициативы советского дипломата по налаживанию экономических и культурных связей между двумя странами, стремясь показать все выгоды советско-румынского сотрудничества.

Советско-румынские переговоры о пакте о взаимной помощи. Н. Титулеску пытался реализовать идею советско-румынского пакта о взаимной помощи, аналогичного советско-французскому пакту о взаимопомощи от 2 мая 1935 г. и советско-чехословацкому договору от 16 мая 1935 г. На совещании у французского министра иностранных дел, где присутствовали М. М. Литвинов, а также представители Турции, Югославии и Греции, Н. Титулеску с нажимом высказался о необходимости заключения договоров: без них «как Малая, так и Балканская Антанты не могут существовать», без участия СССР им «не устоять перед агрессией»

[5, с. 33]. После подписания советско-франко-чехословацкого пакета Титулеску заговорил о желании заключить договор о взаимопомощи между Румынией и СССР. Однако при этом уточнял, что действие советско-румынского пакта должно распространяться «на все границы Румынии» [11, с. 336]. Первоначально это предложение связывалось с условием определения границ каждой из сторон, но уже с конца 1935 г. Титулеску не настаивал на юридическом признании версальских границ Румынии. Правда, он предлагал определить «территорию дефакто», которую должны будут покинуть советские войска после оказания ими помощи в отражении агрессии [11, с. 336]. Заметим, что сущность пакта была бы довольно противоречивой, поскольку в геополитическом плане Румыния и СССР были скорее противниками, чем союзниками.

В конце июня 1935 г. Н. Титулеску добился у короля и правительства полномочий на заключение советско-румынского пакта о взаимной помощи при условии формального признания суверенитета Румынии над Бессарабией и сохранения польско-румынского союза. Однако в Москве категорически не приняли проект, включавший обязательства защищать границы Румынии от любых нападений, несмотря на то, что Титулеску открыто заявлял Литвинову об опасности превращения Румынии в германского сателлита [13, с. 342; 31, с. 21]. При этом в контексте советско-чехословацкого договора о взаимопомощи СССР мог оказать военную помощь Праге, только направив войска через территорию Румынии. Как поговаривали дипломаты, это могло произойти и без разрешения Бухареста [37, р. 135].

В Москве отнеслись к предложению пакта не просто отрицательно, а с какой-то болезненной подозрительностью, считая, что «сколько бы Титулеску ни крутил, он хочет добиться формального признания... Бессарабии». В инструкциях советскому полпреду в Бухаресте М. М. Литвинов, подчеркивал, что «не мы предлагаем Румынии пакт, а наоборот и что поэтому не ей нам ставить ультимативные условия» [5, с. 572—573, 609].

М. С. Островский отправил наркому 19 ноября 1935 г. письмо, в котором объяснял позицию Н. Титулеску, доказывая, что признание Бессарабии за Румынией не ослабит советское влияние на Бухарест, а лишь усилит его просоветскую политику. «Что касается определения территории, — писал полпред, — то он ни в коем случае не может согласиться на подписание текста, отдающего всю Румынию [с] руками и ногами Союзу без того, чтобы географически определить нынешний территориальный статус Румынии» [31, с. 37—38, 45; 38, р. 112—113]. Максимальная уступка на переговорах о пакте, которую допускал Литвинов и одобрило политбюро ЦК, заключалась в особом протоколе о выводе войск за те пределы, в которых они до начала вооруженного конфликта не находились. Нарком указывал на малое значение пакта для советской внешней политики, что в итоге вызвало разочарование Титулеску.

15 января 1936 г. политбюро ЦК постановило «отказаться от предложения Титулеску о каком бы то ни было определении территории Румынии в пакте о взаимной помощи. Согласиться на подписание отдельного протокола, в котором говорилось бы, что в случае осуществления взаимной помощи согласно пакта... обе стороны обязываются по миновании надобности вывести свои войска обратно: СССР к Востоку от Днестра, а Румыния к Западу от Днестра» [26, л. 33]. В ответ Титулеску сообщил 2 февраля в Монтрё наркому, что бессарабский спор не будет препятствием к заключению пакта, а также высказал пожелание совершить визит в СССР для подписания пакта, но ответа не получил [13, с. 344; 21, с. 335].

В июне 1936 г. в Женеве состоялась эмоциональная беседа между министрами. Литвинов указал Титулеску на усиление праворадикалов в Румынии и рост немецкого влияния, выразив сожаление «об исключении бессарабского вопроса из дискуссий». Румынский министр в свою очередь обвинил СССР в нежелании подписывать договор о взаимопомощи. Нарком резко ответил, что собирался заключать договор со страной, «в завтрашней судьбе которой мы не уверены... Отныне мы знаем, что сделаем, чтобы защитить свои интересы, когда вы будете в руках немцев». Впоследствии, вспоминая этот разговор, нарком объяснял Э. Бене-

шу, что советские претензии на Бессарабию могли быть полезны как обоснование советского вмешательства в случае немецкого вторжения в Румынию [13, с. 348]. Хотя явного кризиса в советско-румынских отношениях после этого разговора не последовало, у Титулеску не оставалось надежд на осуществление своего плана сохранения румынских границ. По возвращении из Женевы он подал в отставку, но Кароль II и правительство сумели убедить его остаться на посту [38, p. 113—122]. Тем временем после очередного раунда дискуссии политбюро ЦК 3 июля 1936 г. согласилось с мнением Литвинова, что переговоры зашли в тупик и какие-либо дальнейшие уступки румынам нецелесообразны [27, л. 7].

20—21 июля 1936 г. состоялся очередной раунд переговоров, и Титулеску снял требование «об определении территории». Был подписан Протокол о базовых принципах пакта о взаимопомощи. СССР мог ввести свои войска за Днестр лишь по официальной просьбе Бухареста и по такой же просьбе немедленно вывести их обратно. Литвинов, уничижительно назвавший в переписке с М. С. Островским договор «бумажкой», потребовал, чтобы Румыния сняла пункт о зависимости вступления в действие договора от «вступления в действие» Франции, в результате переговоры снова зашли в тупик. Тем временем в результате реформирования правительства Г. Татареску 29 августа 1936 г. Титулеску уступил свой пост В. Антонеску, склонному стоять на позициях нейтралитета в международной политике [13, с. 350].

Кризис модели «джентльменского соглашения» о неупоминании бессарабской проблемы. В начале 1937 г. В. Антонеску заявил, что Румыния не намерена продолжать переговоры о заключении советско-румынского пакта о взаимопомощи. Однако на деле попробовал повторить путь Титулеску, предложив итало-югославский договор как образец этого пакта. Политбюро ЦК постановило 3 мая 1937 г. ответить на это положительно, однако ни в коем случае не связывать заключение пакта с Бессарабией [21, с. 351]. Островский доносил, что министр иностранных дел Турции Р. Арас сообщил ему о поисках румынами формулы, которая могла бы служить базой для соглашения с СССР. При этом соглашение не должно быть пактом о взаимопомощи, но должно «дать официальное признание Бессарабии и показать миру отличное состояние румыно-советских отношений. Формулы этой они еще не нашли» [7, с. 257]. Литвинов расценил «смехотворные предложения Антонеску о легализации захвата Бессарабии» как путь к расторжению «джентльменского соглашения» [31, с. 168].

В румынской политической элите обострилась борьба между прогерманским и профранцузским течениями, что отразилось в отставке Н. Титулеску. Москва, стремясь не допустить перехода Румынии во враждебный лагерь, стала прибегать к политическому давлению. Будапешт своими демаршами также не способствовал улучшению отношений. В ноябре 1936 г. руководитель МВД Румынии И. Инкулец на митинге в городе Орадя-Маре призвал 19-миллионный румынский народ «стать зорким часовым на восточной границе» [18, с. 106].

Смена румынской политики Титулеску по сути освобождала Кремль от сохранения «джентльменского соглашения». В июле 1937 г. М. М. Литвинов заявил на пресс-конференции в Париже, что в случае обострения ситуации на румынских границах в связи с германским нападением СССР будет использовать любую юридическую или военную силу для занятия Бессарабии [34, p. 33]. В 1937 г. в советско-румынской дипломатической переписке вновь возникли сюжеты перестрелок на Днестре, начатых, по мнению НКИДа, с румынской стороны [7, с. 333, 37, p. 137]. 11 декабря 1937 г. политбюро ЦК утвердило постановление СНК СССР о том, что «Положение о мерах и средствах, имеющих целью предупреждение и разрешение конфликтов, могущих возникнуть на реке Днестре» от 20 ноября 1923 г. утратило силу. С 5 марта 1938 г. на территориях Молдавской АССР и граничащих с Румынией землях УССР был установлен новый режим — запретная пограничная зона [28, л. 91, 161]. Летом 1938 г. Литвинов заявил румынскому посланнику Э. Чиунту, что «джентльменское соглашение» утратило силу и СССР будет вынужден пересмотреть политику в отношении Румынии [30, с. 200—201]. В феврале 1939 г. он недвусмысленно сообщит посланнику Н. Диану, что появив-

шиеся советские карты, где Бессарабия включена в состав СССР, хоть и для внутреннего пользования, но «полная нормализация ситуации на Днестре невозможна», если Румыния присоединится к антикоминтерновскому пакту [15, с. 465; 31, с. 217, 233].

Во время нарастающей военной тревоги в Европе накануне Судетского кризиса румыны, понимая значимость Праги как союзника против Венгрии, с оговорками были готовы открыть воздушное пространство и железные дороги для транзита советских войск. Такое заявление сделал румынский министр иностранных дел П. Н. Петреску-Комнен на конференции министров Малой Антанты в Бледе 22 августа 1938 г. Литвинов ответил, что будет готов воспользоваться разрешением Бухареста в случае вступления в войну Франции и получения рекомендации Румынии со стороны Лиги Наций о пропуске советских войск. Однако в сентябре Москва не предприняла попыток договориться с Бухарестом о транзите войск [33, с. 272—277; 37, p. 139]. На протяжении 1938 г. советская дипломатия придерживалась линии недопущения обсуждения бессарабской проблемы напрямую с румынскими дипломатами, хотя во всех европейских столицах дипломаты прикидывали, кого в итоге выберет Бухарест своим союзником и покровителем в разгорающемся европейском конфликте. Однако, как известно, судьба восточной границы Румынии была предрешена во время переговоров о заключении советско-германского Договора о ненападении в августе 1939 г. в Москве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Аблизин В. А.* Бессарабский вопрос в лабиринтах европейской дипломатии в 1920—1930-е гг. // Клио. Журнал для ученых. 2006. № 3. С. 72—78.

2. Документы внешней политики СССР. Т. XV: 1 января — 31 декабря 1932 г. / редкол. Г. К. Деев. М. : Политиздат, 1969. 868 с.

3. Документы внешней политики СССР. Т. XVI: 1 января — 31 декабря 1933 г. / редкол. Ф. П. Доля. М. : Политиздат, 1970. 920 с.

4. Документы внешней политики СССР. Т. XVII: 1 января — 31 декабря 1934 г. / редкол. Г. К. Деев. М. : Политиздат, 1971. 879 с.

5. Документы внешней политики СССР. Т. XVIII: 1 января — 31 декабря 1935 г. / редкол. Ю. В. Боисов. М. : Политиздат, 1973. 788 с.

6. Документы внешней политики СССР. Т. XIX: 1 января — 31 декабря 1936 г. / редкол. Г. К. Деев. М. : Политиздат, 1974. 823 с.

7. Документы внешней политики СССР. Т. XX: 1 января — 31 декабря 1937 г. / редкол. Ф. П. Доля. М. : Политиздат, 1976. 788 с.

8. Документы и материалы по истории советско-польских отношений / отв. ред.: И. А. Хренов (советская часть) и Т. Цесляк (польская часть). М. : Наука, 1963—1986. Т. 6: 1933—1938 гг. / сост. : Е. Басиньский [и др.]. 1969. 430 с.

9. *Ерещенко М. Д.* Бессарабский вопрос в лабиринтах европейской дипломатии // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940): сб. ст. М. : ИСБ, 1990. С. 187—193.

10. *Ерещенко М. Д.* Бессарабский вопрос в 1939—1941 гг. // Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии / сост. : В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко. М. : Индрик, 1996. С. 321—333.

11. *Ерещенко М. Д.* Румыния между Германией и Советским Союзом: политика без иллюзий // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М. : Индрик, 1999. С. 333—362.

12. *Каспаравичюс А.* Советская дипломатия и литовско-польский конфликт. 1925—1935 гг. // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: сб. ст. / отв. ред. Э. Дурачински, А. Н. Сахаров. М. : Наука, 2001. С. 129—138.

13. *Кен О. Н.* М. С. Островский и советско-румынские отношения (1934—1938 гг.) // Россия в XX веке: сб. ст. к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН проф. В. А. Шишкина / под ред. В. М. Ковальчука. СПб. : Нестор-История, 2005. С. 336—360.

14. *Кен О. Н.*, *Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. 1928—1934. СПб. : Европейский дом, 2000. 704 с.

15. Коминтерн против фашизма. Документы / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : Наука, 1999. 506 с.

16. *Копанский Я. М.*, *Левит И. Э.* Советско-румынские отношения после Венской конференции (март — апрель 1924 г.) в контексте международной политики // Проблемы истории стран юго-восточной Европы: политика, культура, историография: сб. ст. / редкол. И. Э. Левит. Кишинев : Штиница, 1989. С. 6—28.

17. *Копанский Я. М.*, *Левит И. Э.* Советско-румынские отношения. 1929—1934 гг. (От подписания Московского протокола до установления дипломатических отношений). М. : Наука, 1971. 187 с.

18. *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. Изд. 2-е. М. : Наука, 1983. 551 с.

19. *Лебедев Н. И.* «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер; Из истории румынского фашизма, монархии и ее внешнеполитической «игры на двух столах». М. : Междунар. отношения, 1968. 327 с.

20. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов: в 2 ч. / под ред. Р. П. Гришиной. М. : Эдиториал УРСС : РОССПЭН, 2000—2003. Ч. 2: Июнь 1924 — декабрь 1926 гг. 2003. 688 с.

21. Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923—1939: сб. док. / редкол. : Г. М. Адибеков. М. : Росспэн, 2001. 398 с.

22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5 — Внутренняя опись копий протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) № 101/79 оп. — 139/116 оп. 12 мая — 12 декабря 1927 г.

23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6 — Внутренняя опись копий протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) № 1/1 оп. — 50/49 оп. 22 декабря 1927 г. — 12 ноября 1928 г.

24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9 — Внутренняя опись копий протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) № 1 оп. — 33 оп. 15 июля 1930 г. — 25 марта 1931 г.

25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13 — Внутренняя опись копий протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) № 106 оп. — 121 оп. 25 июня — 1 сентября 1932 г.

26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 19 — Внутренняя опись копий протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) № 35—40 оп. 27 ноября 1935 г. — 27 июня 1936 г.

27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20 — Внутренняя опись копий протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) № 41 оп. — 46 оп. 28 июня 1936 г. — 17 марта 1937 г.

28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22 — Внутренняя опись копий протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) № 53 оп. — 59 оп. 11 сентября 1937 г. — 27 марта 1938 г.

29. Советское руководство. Переписка. 1928—1941: сб. док. / сост.: А. В. Квашонкин. М. : РОССПЭН, 1999. 519 с.

30. Советско-румынские отношения. 1917—1941: сб. док.: в 2 т. / редкол.: А. А. Авдеев, М.-Р. Унгуряну. М. : Междунар. отношения, 2000. Т. 1: 1917—1934. 456 с.

31. Советско-румынские отношения. Т. II: 1935—1941. 542 с.

32. *Улунян Ар. А.* Коминтерн и Балканы: революционная геополитика. 1919—1938 // История Коммунистического Интернационала. 1919—1943: документальные очерки / РАН, Институт всеобщей истории; редкол. А. О. Чубарьян (отв. ред.). М., 2002. С. 254—292.

33. *Шевяков А. А.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. 1932—1939. М. : Наука, 1977. 382 с.

34. *Constantin Ion.* România, Marile Puteri şi problema Basarabiei. Buc. : Editura Enciclopedică, 1995. 310 p.

35. *Gafencu Crigore.* Însemnări politice, 1929—1939. Buc. : Humanitas, 1991. 382 p.

36. *Lungu D.* Romania and the Great Powers, 1933—1940. Durham : Duke University Press, 1989. 294 p.

37. *Mitrasca Marcel.* Moldova: A Romanian province under Russian rule : diplomatic history from the archives of the Great Powers. NY : Algora Publishing, 2002. 439 p.

38. Titulescu Nicolae: Documente Confidenţiale / Ed., Ingr. studiu introd. i note de Ion Grecescu. Buc. : Editura Academiei Române, 1992. 175 p.

Статья поступила в редакцию 9 сентября 2012 г.